Начинайте !

Александр Альфредович Бек

SHOUT
SHARE
IT

- Бек Александр Альфредович

Бек Александр Альфредович
Начинайте !

Александр Альфредович БЕК

"НАЧИНАЙТЕ!"

Рассказ

Победа куется до боя.

Этот афоризм любит гвардии капитан Момыш-Улы.

Однажды был случай, когда он, командир полка, управляя боем, произнес только одно слово и больше ни во что не вмешивался.

Бой продолжался недолго - приблизительно два с половиной часа, - и все это время Момыш-Улы просидел не облокачиваясь в четырех бревенчатых стенах блиндажа, тесного и полутемного, как погреб. Он часто закуривал, резким движением отбрасывая спичку; порой проводил худыми пальцами по черным поблескивающим волосам, которые упрямо поднимались, как только рука оставляла их; лицо казалось бесстрастным, и жил главным образом взгляд.

Со стороны можно было подумать, что он ничем не занят, но, когда парикмахер, решив, что наступил наконец его час, предложил побриться, Момыш-Улы так на него взглянул, что тот попятился.

Единственное слово, которое произнес Момыш-Улы, было очень простым. Он сказал: "Начинайте!"

Перед этим ему звонили сверху:

- Почему опаздываете? Почему молчит ваша артиллерия?

Момыш-Улы ответил:

- Я не опаздываю. Я буду действовать без артиллерийской подготовки.

Его переспросили:

- Как?

- Без артиллерийской подготовки... Это я решил с командиром пушек. Подробности, думается, не для телефона.

Он говорил с едва уловимым акцентом, не коверкая слов и оборотов, но неторопливость речи казалась иногда нарочитой: речь становилась быстрее, когда он разговаривал по-казахски.

Через полчаса его снова запросили, почему не начинает.

- Не закончена разведка огневых точек, - ответил Момыш-Улы. - Я считаю, что пока не решена эта задача...

Его перебили, он смолк, глаза сверкнули и, дождавшись момента, когда можно отвечать, он резко сказал:

- Если вы прикажете идти без разведки, пойду без разведки. Вы это мне приказываете? Сам стану во главе штурмовой группы, крикну "ура" и поведу людей. Вы приказываете действовать так? Буду выполнять ваше решение...

И вдруг он покраснел, на впалых щеках цвета потемневшей бронзы вспыхнул скупой румянец.

- Служу Советскому Союзу, товарищ генерал, - неловко выговорил он.

- Что он вам сказал? - с любопытством спросил комиссар полка Логвиненко.

- Он мне сказал...

Момыш-Улы помедлил. Ему хотелось скрыть, что он польщен, но эта нотка прорвалась.

- Сказал: "Спасибо за доблестный ответ".

В эту минуту командир артиллерийского дивизиона Снегин, который, сидя на низком чурбаке, негромко разговаривал по другому телефону, закричал:

- Головой? Я сам ему оторву голову за эти штуки! Передайте, чтобы дразнил шапкой! Передайте, что я это приказываю, сто тысяч чертей ему в левую ноздрю.

Сердито отстранив, но не выпуская трубку, он повернулся к Момыш-Улы и Логвиненко, чтобы поделиться возмущением. Но, еще не начав говорить, он засмеялся. Эти мгновенные перемены были нередки у Снегина. Он жил словно с открытой душой: каждое переживание, даже мимолетное, охватывало его, казалось, целиком и тотчас пробивалось наружу.

- Золотой парень, - сказал он, - шапка не подействовала, стал головой дразнить. Я ему за это...

Он опять сердито потряс трубкой и опять засмеялся.

- Как фамилия? - спросил Логвиненко.

- Лаврентьев... Помните, я вам рассказывал... Мальчишка, у которого судимость была за хулиганство.

- А имя, отчество?

- Не знаю...

Логвиненко прищурился. В серых глазах искрилась умная и чуть озорная усмешка. Он произнес фразу, которую нередко повторял:

- Героев, товарищ Снегин, надо знать по имени и отчеству...

- Ну как он - не раздразнил? - нетерпеливо спросил Момыш-Улы.

Снегин нагнулся к телефону.

- Разматов? Разматов, вы меня слышите? Что? Что? Что?

Каждое из этих "что" было громче и радостнее предыдущего. Повернувшись на чурбаке, он ликующе воскликнул:

- Есть, товарищ капитан! Раздразнил, товарищ капитан!

И затем снова в трубку:

- Передайте, Разматов, что я его за это изобью! В другой раз чтобы этого не смел! Теперь вот что... Вы все видите? Хорошо... Будьте наготове, сейчас начнем работать...

И, опустив трубку, Снегин торопливо сообщает:

- Шевельнуться, говорит, нельзя... Кинжальным огнем землю чешет... Лежим, говорит, еле дышим...

В блиндаже все понимают, о чем речь.

Где-то в пятидесяти - шестидесяти метрах от укреплений врага лежит артиллерист-корректировщик гвардии лейтенант Разматов. Он спрятался под землю, спрятался так искусно, что можно наступить и не заметить. К уху прижата телефонная трубка, шнур тянется сюда. Первая задача Разматова видеть. Это не так легко. Огневые точки немцев тоже спрятаны, иногда не менее искусно. Они молчат, чтобы до времени не выдать себя. Но вдруг невдалеке от них, словно из-под земли, появляется красноармейская шапка... Одна... другая... Появляется и исчезает, и снова появляется все ближе... Что это? Атака? Огонь, огонь! И Разматов наконец-то видит, - вот они, рыльца пулеметов, из которых вылетает пламя. А его друг и помощник, разведчик Лаврентьев, раздразнивший немцев, лежит ничком, укрывшись за какой-нибудь неровностью.

Теперь нельзя медлить.

Снегин посмотрел на капитана, Момыш-Улы кивнул. Он, пехотный командир, знал не со стороны, а как профессионал-артиллерист работу "командира пушек". Это может показаться странным, но вся жизнь Момыш-Улы необычайна.

Он оказался женатым через сорок восемь часов после рождения - такой обычай был у степных кочевников, казахов. Трехлетним мальцом он впервые взобрался на коня. Отец вручил ему плеть и сказал:

- Будешь пастухом.

До десяти лет Момыш-Улы не подозревал, что на свете существует хлеб, а его дед так и умер, не отведав хлеба: казахи, кочуя со стадами, знали только молоко и мясо.

Он мечтал многое совершить для Казахстана. С отрочества, с младших классов школы, соприкоснувшись с русскими, с их книгами, со всем, что называется культурой, он молчаливо решил, что в служении народу - смысл его жизни. Ему хотелось строить в Казахстане железные дороги, - окончив десятилетку, он поехал в Ленинград и, выдержав конкурсный экзамен, стал студентом-путейцем. Наука давалась легко, он с отличными отметками переходил с курса на курс, но вдруг понял: не то, не то

- его призвание не в этом. Он покидает институт. Дальше - армия, военное училище, Момыш-Улы командир батареи, вместе с батареей он сражается у озера Хасан. С Дальнего Востока его тянет в родной Казахстан; после боев он расстается с армией и возвращается домой. Его влечет литература; он переводит русских классиков - многие стихи Пушкина и Лермонтова изданы по-казахски в переводах Момыш-Улы, - а тайком пишет свое, пишет и бросает. И опять ему чудится: не то. Где же оно - его призвание? Кто он - воин, инженер или писатель?

- Я сам себя не понимаю, - иногда говорит друзьям Момыш-Улы.

Отечественная война оборвала искания. Призвание определится потом, теперь надо драться. Момыш-Улы поступает в дивизию, которая формируется в Алма-Ате, и командует сначала батальоном, потом получает полк, после того как в боях под Москвой распознали, какая сила характера и ума таится в этом страстном человеке с бесстрастным лицом.

Снегин - ровесник и земляк капитана: ему тоже тридцать лет, он тоже из Алма-Аты. Впрочем все, кто находятся в эту минуту здесь - и комиссар Логвиненко, и начальник штаба Курганский, и адъютанты, и телефонисты, все они из Казахстана, все осенью отправились на фронт со станции Алма-Ата, все теперь гвардейцы, все панфиловцы.

И только телефонист Баранов с недавних пор в дивизии; однако раньше он воевал в батарее, которой командовал не кто-нибудь, а лейтенант Чапаев, сын легендарного начдива, и всегда готов задорно спорить - чей же козырь старше.

Снегин приказывает:

- Баранов, вызовите батарею.

В блиндаже четыре телефона. Два принадлежат артиллеристам. Первый, у которого, примостившись на чурбаке, сидит Снегин, ведет к "глазам". Это глаза Разматова, которые в этот час, в этом темном подземелье становятся глазами Снегина и Момыш-Улы. Второй соединяет бревенчатую коробку блиндажа с пушками, скрытыми в лесу за несколько километров отсюда.

- Батарея вызвана, товарищ командир.

- Хорошо. Будете передавать мою команду... Разматыч, жив? Все еще чешут?.. Слушайте. Даю команду.

И, повысив голос, он командует:

- По местам!

Баранов повторяет в другой аппарат:

- По местам!

У него, рядового связиста, тоже вдруг появился командирский тон; он повелительно добавляет от себя:

- Все разговоры по линии прекратить!

Снегин продолжает:

- Передавайте: бусоль 25 плюс вчерашний доворот. Какой доворот там был вчера?

Повторив в трубку приказание, Баранов обращается к Снегину:

- Товарищ командир, там спрашивают: какой доворот?

Снегин срывается с места и, стукнувшись головой о поперечную балку, не сдержав ругательства, хватает у Баранова трубку.

- Ведь я приказал вам, - кричит он, - не сбивать эти довороты, чтобы они всю ночь стояли. Что? Как не знаете? Давайте немедленно командира батареи!

Момыш-Улы круто повернулся. Ничего не сказав, он закурил, с резким щелканьем захлопнул портсигар и далеко отбросил спичку.

Неужели опять задержка? Неужели глупая случайность расстроила то, что достигнуто вчера?

Накануне в сумерках капитан провел репетицию сегодняшней атаки. Небольшая группа двинулась вперед; немцы встретили ее огнем; бойцы замерли, прильнув к земле; Разматов, притаившись вблизи немецкой обороны, корректировал работу артиллерии и добился нескольких точных попаданий; пулеметная стрельба сразу стала слабее, и бойцы осторожно поползли; противник опять остановил их интенсивным огнем, и Разматов еще раз удачно накрыл цель. Вчера этим дело ограничилось. Дождавшись темноты, группа вернулась, бережно неся двух раненых.

Пушки, таким образом, были пристреляны. Теперь оставалось немногое: требовалось раздразнить немцев, чтобы вновь засечь точки, установленные ночью взамен обнаруженных или поврежденных, и соответственно этому, а также погоде - главным образом ветру - слегка подправить наводку, "довернуть", как говорят артиллеристы.

- Кто у телефона? - кричит Снегин. - Что вы там натворили с доворотами? Что? Все в порядке? Не сбивали?

Он вздыхает с облегчением, и сидящий рядом Баранов вздыхает точно так же. Что-то выслушав, Снегин говорит:

- Не подпускайте больше этого разиню к телефону, чтобы он не путал, сто чертей ему в левую ноздрю... Через минуту зарядить и доложить!

Он возвращается на свой чурбак и, улыбаясь, отдувается:

- Фу-ты... Разматыч, жив? Скоро, скоро... Заряжают.

Тем временем Логвиненко по другому телефону соединяется с комиссаром батальона, которому предстоит атаковать.

- Соловьев? Ударная группа на месте? Потолковал с людьми? С каждым? Будем действовать, как условлено. Изменений нет. По-вчерашнему, понятно? Пусть люди приготовятся, сейчас Снегин начинает. Ждите команды...

Логвиненко еще говорил, когда Баранов передал:

- Готово!

- Разматов, готово! - кричит Снегин. - Хорошо, даю. Один снаряд, огонь...

Баранов повторяет:

- Один снаряд, огонь!

И прибавляет от себя:

- Живей там поворачивайтесь! Быстрее огоньку!

Затем выкрикивает:

- Выстрел!

- Разматов, выстрел! - передает Снегин.

Несколько секунд в блиндаже стоит напряженное молчание. Доносится глухой удар. Все ждут, что скажет Разматов, как упадет первый снаряд.

- Так, так... - наконец произносит Снегин. - Ладно, Разматыч... Правее, ноль-ноль три, два снаряда, беглый огонь...

Он кричит эту команду, словно находится у пушек, хотя Баранов, который передает приказание, сидит в трех шагах.

Не проходит и полминуты, как Баранов кричит:

- Выстрел! Выстрел! Очередь!

Повторив это, Снегин некоторое время ждет - в эти мгновения снаряд прорезает воздух, эти мгновения отделяют выстрел от разрыва, - затем произносит:

- Так, так...

И по тому, как он выговаривает это короткое "так", можно легко угадать, что сказал Разматов, удачно ли лег снаряд. В этом снегинском "так" тысяча оттенков - от угрюмости до ликования. Повторяя "так, так", сейчас он не может сдержать смеха.

Он сообщает:

- Ну и Разматов... Как поросенка, говорит, по башке стукнул... Был пулемет, и нет пулемета...

Затем снова в трубку:

- Так, так... Хорошо, Разматыч... Прицел больше один! Два снаряда, беглый огонь...

Опять передается команда; опять полминуты спустя Баранов выкрикивает: "Выстрел! Выстрел! Очередь!"; опять в блиндаже напряженное молчание; и опять слышится радостное "так, так"...

- Еще одного пулемета нет, - восклицает Снегин. - Сразу замолчали... Сейчас, говорит, можно пехоте лезть... Теперь хочет по блиндажам ударить... Хорошо, Разматыч! Даю...

И, назвав координаты, Снегин кричит:

- Взрыватель фугасный, два снаряда, беглый огонь...

На этот раз снаряды не поразили цель. Разматов дал поправку.

После выстрелов, слушая, что сообщает Разматов, Снегин опять фыркает, сдерживая смех.

- Ох и дал, говорит... Сам, говорит, чуть не подпрыгпул. Разворотил блиндаж...

Логвиненко спрашивает:

- Огневые точки молчат?

- Молчат.

Капитан вызывает к телефону Лукьяненко, командира второго батальона.

- Начинайте, - коротко говорит Момыш-Улы.

Это было единственное слово, единственное приказание, отданное командиром полка. С этого момента в бой вступает пехота.

Снегин говорит Разматову:

- Теперь мы, Разматов, помолчим, пусть мальчики поработают. А когда фрицы заговорят, мы опять им рот заткнем. Что? Минометы скорректировать? Это можно. Это мы сейчас устроим.

Он некоторое время что-то слушает, потом рассказывает:

- Разматов сейчас разговаривал с Лукьяненко. Скорей, говорит, теперь тут можно, как по тротуару, гулять.

В работу вступают минометы. Впрочем, это пока не работа, а лишь приправка инструмента. Опять в блиндаже кричат: "Одна мина, огонь", "Прицел меньше, две мины, интервал пять секунд, огонь!".

Логвиненко разговаривает по телефону с Соловьевым:

- Двигаетесь? Сколько проползли? Коммунисты и комсомольцы впереди?.. Что? Подозрительное молчание? Снегин, слышите? Соловьев говорит, что противник подозрительно молчит... Знаешь, что отвечает Снегин? Хохочет... Да, ты рассмешил... Ничего там нет подозрительного! Как откроет огонь - мы еще долбанем. Мы его держим!

И, с силой сжимая пальцы, Логвиненко показывает, словно Соловьев может видеть, как схвачен противник.

Проходят минуты; припадая к земле, бойцы приближаются к умолкшим немецким укреплениям. Снегин продолжает пристрелку минометов. Потом радостно сообщает:

- Разматов видит наших... Ползет, говорит, наша пехота... Двигаются, говорит...

И, не закончив фразы, вдруг кричит:

- Все разговоры по линии прекратить! Правее, ноль-ноль пять, два снаряда, беглый огонь... Опять стали бить из пулеметов... Выстрел, Разматыч! Выстрел! Очередь! Так, так... Сейчас дадим... Взрыватель фугасный, четыре снаряда, беглый огонь!

Момыш-Улы молчит, но Снегин, не ожидая вопросов, сообщает все, что видят "глаза".

- Бьет, бьет из пулеметов... Бросает мины... Наши лежат...

- Выстрел! Выстрел! - выкрикивает Баранов. - Чего задерживаетесь? Быстрее огоньку! Выстрел, выстрел, очередь!

- Так, так, так, - повторяет Снегин, слушая Разматова, и в его голосе наконец-то звучит радость. - Еще два блиндажа разбил... Опять замолчали.

- А пехота? - спрашивает Логвиненко.

- Разматыч, как там мальчики? Опять поползли? Здорово! Пусть поработают, мы помолчим... Займемся-ка снова минометами...

В бою минуты и часы летят. Кажется, Момыш-Улы только что произнес "начинайте", а в действительности с этого момента прошло больше часа.

Начальник штаба Курганский сообщает в дивизию о ходе операции; он делает это без напоминаний, ни о чем не спрашивая Момыш-Улы, твердо запомнив афоризм капитана: не командир для штаба, а штаб для командира.

Снегин расспрашивает:

- Разматыч, как там?.. А мальчики как? Ползут? Хорошо, замечательно... Что? Откуда? Сколько? Снарядами по ним не бей, береги снаряды! Минами, минами работай! Баранов, команда минометам! Правее, ноль-ноль шесть, четыре мины, беглый огонь! Товарищ капитан, справа показались автоматчики. Готовится контратака... Что? Огневые точки ожили? Баранов, команда пушкам! Левее, ноль-ноль три, взрыватель фугасный, четыре снаряда, беглый огонь!

Баранов выкрикивает команду, всякий раз повелительно добавляя от себя:

- Веселей давай! Быстрее огоньку!

Раздается новая команда; опять летят мины и снаряды; в блиндаже все молчат, кроме Снегина и телефониста.

И кажется странным, что в эти минуты - критические минуты боя - в блиндаже пехотного командира раздаются только голоса артиллеристов, только артиллерийские команды.

Но как раз это нужно Момыш-Улы; над этим он долго раздумывал и долго добивался этого: двойной точности - точного артиллерийского огня, помноженного на столь же точное взаимодействие.

Он переживает каждое сообщение, каждую команду, каждую интонацию Снегина. Ему хочется вмешаться, крикнуть отсюда командиру батальона: "Выдвигайте пулеметы, пусть стреляет все, что может стрелять!", но он знает, что это уже делается, а если нет - отсюда кричать поздно. Он знает: победа куется до боя и управляют не криком, а умом.

В эти минуты в нем все напряжено, но он упрямо молчит, и лицо по-прежнему бесстрастно.

Наконец-то! Снегин с нескрываемым облегчением произносит свое "так".

- Фу... - отдувается он. - Разогнали автоматчиков... Четыре раза накрывали минами... И еще два блиндажа разбиты... Опять фрицы замолчали.

- А наши как?

- Лежат... Лежат почти рядышком с Разматовым.

- Лежат? - переспрашивает Логвиненко и протягивает руку к телефону. Вызовите Соловьева. Соловьев? Доложите, что делается? Что? Почему? Почему не двигаетесь? Осторожность? Они не работают сейчас, подавили их. Или вы ждете, чтобы противник восстановил огневые средства? Вперед! В бою играет роль минута! Используйте момент!

Он волнуется: ему хочется самому увлечь бойцов на завершающий рывок, как он не раз увлекал; голос на последнем слове дрогнул, словно что-то подступило к горлу.

Не поднимаясь с чурбака, не выпуская трубку, Снегин на полях газеты подсчитывает количество израсходованных снарядов. Итог кажется ему великоватым, хотя выпущено - мы сообщим эту цифру: многим артиллеристам она покажется невероятной, неправдоподобно малой - всего сорок шесть снарядов.

К телефону вызывают капитана. Командир батальона Лукьяненко докладывает:

- Бойцы ворвались в укрепленную линию противника. Немцы бежали, оставив несколько десятков трупов.

И тотчас Снегин, уронив газету, кричит в восхищении:

- Так, так... Прошли линию блиндажей! Разматыч полез вперед вместе с пехотой!

Задача решена, атака удалась, наступательный бой на сегодня закончен.

Момыш-Улы приказывает командиру батальона:

- Закрепляйтесь... Выдвигайте противотанковое вооружение. Зубами там держитесь. Готовьтесь отбить контратаку.

И, положив трубку, помолчав, он спрашивает:

- А где же парикмахер? Теперь можно и побриться.

1942

КОММЕНТАРИИ:

"Начинайте!"

Впервые - "Дружба народов", 1958, No 2 (в одной подборке с рассказом "Последний лист").

В архиве писателя хранится рукопись очерка-записок "Тридцать три снаряда" (см. "Литературная Россия", 1973, 4 мая, No 18, с. 4), который является первым, далеким от окончательного текста вариантом рассказа "Начинайте!". Если очерк строго документален и построен, подобно "Дню командира дивизии", в форме поминутной "стенограммы боевого дня", то рассказ, вобравший в себя все факты очерка, но обогащенный авторскими отступлениями в прошлое, характеристиками действующих лиц и комментариями происходящего, представляет собой документально-художественный сплав.

Т. Бек